

Карина Демина

ЛЕДИ, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА ЛОШАДЕЙ



RUGRAM

Москва
2024

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д30

Демина, К.

Д30 Леди, которая любила лошадей / К. Демина. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 340 с. — (Леди,
которая любила готовить).

ISBN 978-5-517-11519-5

Василисе, третьей дочери князя Радковского-Кевич, не досталось ни красоты и силы старшей сестры, ни ума средней. Из всего наследия рода она получила странную внешность прабабки-степнячки, любовь к лошадям, умение готовить и проклятье, разрушившее всякую надежду на брак. И что остается старой деве, кроме как вовсе удалиться от света, если не на край мира, то почти? Благо, остался от тетушки на Крымском берегу старый дом, где Василиса когда-то была счастлива, конюшни и семейные тайны, разгадать которые придется, ведь прошлое порой куда ближе, чем кажется.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11519-5

© Демина Карина, текст, 2024
© Полина Кульева, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

Некромант оказался молодым.

И симпатичным.

И если первое обстоятельство Демьян еще мог бы ему простить, то второе вызывало в душе немалое раздражение. Как и то, что этот треклятый некромант, казалось, вовсе не испытывал ни малейшего стеснения, находясь в окружении людей, стоявших несравненно выше его по положению. Он спокойно водрузил на стол локти, и мятые рукава пиджака съехали, обнажив и чересчур широкие манжеты, и торчавшие из этих манжет узкие запястья.

Некромант тянулся через стол.

И дотянувшись, брал с блюда пирожное. И отправлял его в рот. Жмурился. Щурился. Едва ли не урчал довольно, заставляя Марью Александровну, к позднему обеду вышедшую при полном параде, хмуриться. Впрочем, недовольство ее скорее ощущалось, чем виделось.

Василиса вот была задумчива.

Она смотрела на тарелку. И в тарелку. И вздыхала порой. И хотелось спросить, что именно заставляет ее грустить, а заодно уверить, что какова бы ни была причина, но грусть пройдет.

Демьян телефоновал племяннику.

И тот обещался быть. Сперва один, а потом, глядишь, и с невестой. И кажется, с предложением своим Демьян поспел как раз вовремя, ибо сестрица, которой он тоже телефоновал, раз уж выпало добраться до аппарата, долго и возмущенно рассказывала, как неправильно себя эта невеста ведет.

А ведь еще не жена.

Точно не уживутся.

А в Гезлёве, глядишь, найдется работа толковому ветеринару.

Конюшни... не так сильно они и пострадали. Защита сработала отменно, а будь она в полной силе, поджог вовсе не удался бы. Обман? С ним разберутся, если Демьян что-то понимал в людях, то Вещерский этакого оскорбления не попустит, не говоря уже о ледяной княжне, чье внимание отнюдь не было лестным.

То и дело взгляд ее весьма задумчивый останавливался на Демьяне.

И с каждым разом — все дольше.

И хотелось не то, чтобы спрятаться, скорее уж откланяться, пока Демьян не совершил какой-то серьезной ошибки. Все ж с манерами у него было худовато.

Да и вообще...

— Стало быть, вы служите? — спросила княжна столь ласково, что мысль о побеге почти оформилась.

— Да.

— Кем?

— Жандармом.

Она легонько кивнула, будто соглашаясь, что и жандармы нужны. А ведь в высшем свете их, мягко говоря, недолюбливают.

— И ранены были?

— Да.

— Как?

Демьян поглядел на Вещерского, а тот кивнул, надо полагать, позволяя говорить.

— Под взрыв попал.

Светлая бровь приподнялась. А вот Василиса посмотрела едва ли не с ужасом.

— По собственному, следует признать, ротозейству...

— Скорее уж по неудачному стечению обстоятельств, — поправил Вещерский. — Я читал отчеты. И на месте побывал. Если бы не самоотверженность Демьяна Еремеевича и его людей, пострадали бы мирные люди... много мирных людей.

— Что ж, — ледяной взгляд потеплел. — В таком случае рада, что вы успели вовремя.

Демьян кивнул.

И вновь ожила, оскалилась совесть, напоминая, чего стоило его геройство другим, нашептывая, что, прояви Демьян больше благоразумия, ничего не произошло бы.

Сразу следовало задержать всех.

И пусть бы досталось ему за самоуправство, пусть бы даже пришлось подать в отставку, может, и с позором уйти, но люди остались бы живы.

Его, Демьяна, люди, которые ему верили.

— А вас тоже не мешало бы почистить, — некромант облизал пальцы и зажмурился. — Обожаю эклеры...

— И не только их, как вижу, — не удержалась княжна Вещерская.

— И не только их. Я вообще поесть люблю... особенность... вы берете силу извне, мне приходится тратить свою, а она требует восполнения, — Ладислав тряхнул светлую гривой и взгляд его обратился к Демьяну. — И хорошо почистить... весь серым облеплен. Как твои-то проглядели?

— Так... целители не видят, а таких, как ты, мало. Да и сам знаешь, ваши не больно-то хотят с нами работать.

— Потому что требуете невозможного. И края не знаете.

Это был чужой разговор, отголосок давнего спора, понятного лишь этим двоим. И Демьян посмотрел на единственного человека за столом, пожалуй, общество которого было приятно. И не заставляло ощущать себя случайным гостем в чужом доме.

Василиса смотрела на него.

И взгляды пересеклись, зацепились. Она неловко пожалала плечами, будто извиняясь, что все вышло так. А Демьян улыбнулся.

И улыбкой же ему ответили.

— ...и я ему говорил, что невозможно это. А он мне, мол, плохо стараешься, что если бы старался хорошо, было бы возможно... и что с ним, спрашивается, делать?

— Так сделал же.

Некромант пожал плечами.

— Сам напросился. Я просто врата открыл...

— А у человека мало, что сердце не остановилась.

Чужой разговор шел лениво, спокойно даже, и в этой ленивости чудилось признание за Демьяном права слушать, будто стал он вдруг своим, что княжичу, что некроманту, что самому дому, который постепенно оживал.

— Я ж не виноват, что он к целителям не заглядывал.

— Возможно, — спокойный голос княжны заставил Горецкого отдернуть руку от блюда с пирожными, которое, к слову, наполовину опустело. — Вам стоит поговорить о чем-то ином?

— О чем, дорогая?

— О музыке, — это прозвучало так, что стало очевидно, что говорить и вправду будут исключительно о музыке.

— Я куплю тебе рояль, — пообещал Вещерский. — Два.

— Зачем мне два?

— Один тебя успокаивает. С двумя ты будешь вдвое более спокойна. И пианино. То, на которое ты смотрела... беленькое. За дурные деньги.

— Они не дурные. Это вполне нормальная цена для сложного артефакта, — Марья отложила вилку с ножом. — Однако, мне кажется, вам и вправду стоит поговорить о делах, но... не здесь. Нам тоже есть что обсудить.

Улыбка Василисы поблекла, хотя и ненадолго. Она кивнула и тоже поднялась.

— Прошу прощения...

— Я распоряжусь, чтобы чай подали в кабинет.

Некромант все-таки стащил очередное пирожное.

В кабинете пахло морем и старым деревом, воском, пивом, которым натирали кожу огромных кресел, отчего та все еще блестяла, пусть и покрылась сетью мелких трещин.

— Прошу, — Вещерский подошел к огромному столу, на котором Демьян к своему удивлению обнаружил уже знакомую шка тулку. — Что скажешь?

Некромант облизал измазанные кремом пальцы и сыто икнул. После чего сощурился и снова икнул. Покачнулся. Подошел ближе. Ноздри тонкого его носа раздулись, а нижняя губа отто-

пырилась. И вид у некроманта сделался на редкость глупым. Правда, этой кажущейся глупостью Демьян не обманулся.

— Интересно... если бы ты сразу сказал, что будет так интересно, я бы ехал быстрее.

— Я и сам не знал.

Бледные руки потянулись к шкатулке.

Закрылись глаза.

И в кабинете стало до того тихо, что слышно было, как глухо настойчиво бьется о стекло жирная зеленая муха.

— Что это — можешь сказать?

— Дрянь.

— Я и без тебя вижу, что дрянь редкостная, — отозвался Вещерский. — А если конкретней.

— Конкретней... — некромант осторожно коснулся крышки.

— Так, открывать не стоит.

— Оно мертво!

— Все равно не стоит.

И Демьян согласился, что определенно не стоит, нынешний кабинет для изучения бомб совершенно не подходит. Он вообще не стал бы приносить ее, пусть напрочь лишенную жизни, сюда.

— Ладно, — руки некромант не убрал, правда теперь он оглаживал крышку с какой-то непонятной нежностью. — Не буду... только мертво оно давно... слышал про Шаверский курган?

— Это где археологов засыпало?

— Не засыпало. Точнее засыпало, но уже потом... — Ладислав склонил голову и опустил перед шкатулкой на колени. — Ты ведь знаешь, что энергетическое поле не везде однородно, что, скажем, в пустыне энергетический фон почти равен нулю, как и во льдах севера. Или вот в степях. Источники там встречаются столь редко, что само их существование может являться своего рода исключением, подтверждающим правило.

Смуглые пальцы сошлись на крышке. Ладони обняли бока. И показалось, что шкатулку того и гляди раздавят.

— Поэтому они и пошли другим путем. Сила духов. Голоса предков. Возможность заглянуть в мертвомир, который там под- ходит вплотную к миру живых.

Его голос звучал низко и заунывно.

Хотелось спать.

И Демьян ущипнул себя, пытаясь стряхнуть эти мягкие липкие объятия наведенного — а иначе с чего бы ему засыпать — сна.

— У нас некромантия считается проклятым даром. А там людей, которые были способны слышать голоса предков, и не только слышать, которые умели заглядывать на ту сторону, которые пользовались ее силой, полагали благословленными.

Он убрал пальцы и отступил.

— Мы слишком долго считали их дикарями. Слишком сильно пытались подмять под себя, приучить к тому, что сами именуем цивилизацией, чтобы теперь просто взять и признать, что были не правы.

— Ближе к делу.

— Ближе... я провел в степи пару лет, ты же знаешь, — Ладислав потер шею. — Там... совсем все по-другому. Степь полна духов. Степь жива прошлым. И сила там есть. Вот только тех, кто умеет ею пользоваться, почти не осталось. На Шаверских пустошах жили племена... разные... теперь не поймешь, какие именно, слишком уж разрозненная информация. А искать правду там только безумец рискнет... рискнул. Однажды. Это была экспедиция Берядинского. Знаешь такого?

— По нашему ведомству не проходил, — проворчал Вещерский, откидываясь в кресле. — Что? Я не могу знать каждого человека! В Империи их миллионы, а голова у меня одна.

— И та, чтобы уши носить. Извини. Наши Берядинского уважают. Он был магом. Обычным. Огневик, вроде тебя. Обученный. И силы немалой. Ему прочили карьеру, сперва военного, потом, после выхода пары статей, и ученого. Его даже в императорскую академию зазывали, но передумали после того, как он выпустил еще одну статью, в которой утверждал, что у обеих магий один источник. И что их соединение даст невероятные возможности. Как понимаешь, большинство сочло, что Берядинский, мягко говоря, не прав. Он пытался дискутировать, но... научное сообщество еще менее склонно к переменам, чем обыкновенные люди. Его лишили членства в Географическом обществе, были попытки

инициировать процедуру отторжения магистерского титула, но тут уж то ли скандала испугались, то ли поняли, что при всех своих идеях Берядинский никуда умений не утратил, а боевую магию он применял не только на полигоне. Тогда ж как раз Крымские конфликты случались. Да и с турками никогда-то граница спокойной не была. Вот... пустили слух, что странные его идеи — не более чем результат контузии. А что он собирал некромантов и чего-то там от них изыскать пытался, так чем бы старик не тешился.

— Что-то такое я слышал, но это давно было...

— Лет тридцать тому, — согласился некромант. А Демьян вновь встряхнулся, спать еще хотелось, но теперь это было скорее обыкновенная усталость.

— Давно.

— Для тебя. Мой наставник его помнил. И очень сожалел, что Берядинский погиб, а его теория оказалась похоронена. Сейчас он добивается разрешения на то, чтобы изыскания были продолжены и подозреваю, что, когда ты напишешь доклад об этой штучке, — некромант ткнул пальцем в бомбу, — то разрешение это получит.

Демьян опустился в кресло, которое оказалось на диво мягким и удобным. Осмотрелся, хотя смотреть в кабинете особо было не на что. Старинные шкафы, исполненные, как и прочая мебель, из дуба, были пусты. Потускнели серебряные накладки, помутнело стекло, будто скрывая пустоту за собой. Более темные пятна на светлых обоях свидетельствовали, что некогда кабинет украшали картины, но теперь из пяти осталась лишь одна, изображавшая лошадь удивительного темно-золотого окраса.

Красивую.

Шея лебединого постава. Маленькая сухая голова и в то же время крупное костистое тело, которое, однако, не гляделось несуразным.

— Берядинский, поняв, что общество не готово к новым теориям, решил добыть доказательства, причем такие, которые никто не смог бы опровергнуть. И собрал экспедицию. Сам. Двадцать пять единомышленников, среди которых — дюжина магов

и дюжина некромантов. До Шаверских пустошей добирались по железной дороге, потом уже верхами. Последнее, что известно, Берядинский договорился о встрече с Джунгарскими жузами. Правда, никто так толком и не выяснил, о чем они говорили. После этой встречи экспедиция повернула к пустошам.

— Погоди, — Вещерский снял шкатулку и без всякого почтения поставил ту на пол. Туда же отправились папки. А он провел ладонью над столешницей, которая пусть и обрела некоторую пегость окраса — лак все же старился — но сохранила гладкость. — Покажешь?

Темный лак посветлел, а потом на нем пролегли тончайшие нити рек. Берега их оделись зеленью лесов, а меж ними лоскутным одеялом высветились поля.

Демьян только слышал о таком.

А Вещерский, снявши запонки, словно оправдываясь, сказал:

— Жена сделала. Очень ее бумажные карты раздражали.

Демьян привстал, чтобы разглядеть получше, и Вещерский посторонился.

— Правда, тут Европа лишь краем, надо другой камень ставить, но он у меня дома остался... как-то вот не думал я, что оно так завертится...

Прозвучало так, будто княжич оправдывался. Впрочем, Горецкому было не до того. Сцепивши руки за спиной, он разглядывал карту с таким непередаваемым восторгом, что Демьян устыдился. Чудо ведь, а он его не разделяет.

— Тут, — палец некроманта ткнулся куда-то к востоку от железной дороги. — Вот, они здесь высадились. Наняли проводников и носильщиков, еще лошадей. Купили арбы и палатки...

Палец заскользил по рисованной степи.

— Тут встречались с жузами. А вот здесь пустоши.

И вправду получилось, что экспедиция пошла не дальше к китайской границе, но повернула по собственным следам. И почти добралась до городка, обозначенного на карте скромным кругляшиком. Но не дойдя, резко свернула на юг.

— Пустоши, — некромант обвел пальцем участок карты, который от прочих ничем-то не отличался. Не было тут ни значков,